

МУНИРА ВАГИНА

Нижний пролёт

18+

Мунира Вагина
Нижний пролёт

«Автор»

2026

Вагина М.

Нижний пролёт / М. Вагина — «Автор», 2026

После смерти отца Нина Заречная возвращается в город, где её фамилию до сих пор связывают с давним скандалом: много лет назад отца обвинили в краже картин из местной галереи. Разбирая его вещи, Нина находит старую фотографию лестницы и короткую надпись: «Нижний пролёт. Когда сможешь». Неясная просьба приводит её туда, откуда когда-то началась история семейного стыда. Устроившись реставратором в галерею, Нина постепенно замечает детали, которые не сходятся с привычной версией прошлого. За стеной, под старым плинтусом, её ждёт тайник, а в нём — письма, фотографии и следы чужой лжи. Чем ближе она к правде, тем труднее отделить вину от молчания, любовь от страха, а память от того, что люди годами принимали за истину. «Нижний пролёт» — психологический роман о дочери, которая пытается понять отца слишком поздно, о цене молчания и о правде, способной изменить не только прошлое, но и будущее.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фамилия	5
Глава 2. Комната у тётки	10
Глава 3. Когда сможешь	15
Глава 4. Временное место	20
Глава 5. За ограждением	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Нижний пролёт

Глава 1. Фамилия

В автобусе Нина обнаружила на рукаве чёрную нитку и долго пыталась снять её двумя пальцами. Нитка держалась. Оказалось, разошёлся шов у манжеты, и Нина тянула его сама.

Она убрала руку в карман.

За окном тянулись огороды, заборы из разномастных досок, низкие яблони с обмотанными стволами. Под деревьями лежал снег, уже не белый, но ещё не вода. На поворотах в проход выкатывалась пустая бутылка; женщина через два ряда всякий раз придерживала её сапогом, а потом забывала и выпускала обратно.

Отца похоронили вчера. Сегодня тётя хотела разогреть оставшуюся картошку, но Нина сказала, что ей пора.

— Квартира подождёт, — ответила тётя.

— Я знаю.

— Тогда посиди.

Она всё-таки уехала. Не из-за квартиры, которую нужно было проверить перед продажей. Просто не могла больше смотреть, как тётя собирает со стола крошки в ладонь, а потом останавливается посреди кухни, будто забыла, где у неё мусорное ведро.

Отцовские тапочки стояли под табуретом. Один носком к стене, другой наружу. Нина заметила их ещё накануне, когда вернулись с кладбища, и почему-то была уверена: к утру уберут. Но утром они оставались на месте, и над ними сидела тётя, намазывая масло на хлеб.

Автобус качнулся. Бутылка докатилась до ног Нины; она подняла её и сунула в сетку на спинке переднего сиденья.

До родного города было сорок минут. Отец прожил последние годы совсем рядом и ни разу не предложил съездить туда вместе.

Он вообще мало что предлагал.

По телефону спрашивал, не дует ли у неё из окон. Говорил, что обещают мокрый снег. Если Нина отвечала резко, замолкал, но трубку не клал: в ней слышались его дыхание и телевизор из соседней комнаты.

Теперь можно было не ждать этих пауз.

От этой мысли ей стало так стыдно, что она выпрямилась и расстегнула пальто, хотя в автобусе было холодно.

На въезде сняли старую надпись с названием города. Остались две бетонные стойки, а между ними — небо. Ниже поставили новый щит с гербом и пожеланием счастливого пути, обращённым к тем, кто уезжал. В детстве Нина каждый раз пыталась прочесть его предшественника с обратной стороны, угадывая буквы по теням.

Автовокзал оказался меньше, чем она помнила. Или вокруг стало больше пристроек. В бывшем зале ожидания теперь продавали двери, и за стеклом стояли шесть одинаковых образцов, каждый с отдельным глазком. Настоящий вход нашёлся сбоку.

Нина вытащила чемодан из багажного отделения. Водитель поставил его в лужу и сразу отвернулся за следующей сумкой. Она хотела сказать что-нибудь, но только подняла ручку.

Колёса застучали по выбитой плитке.

До квартиры можно было доехать три остановки. Нина пошла пешком: после дороги нужно было почувствовать под ногами что-нибудь неподвижное. У киоска торговали тюльпанами в пластиковых вёдрах. Цветы туго стянули резинками; листья хрустели, когда продавец вытаскивал очередную связку.

Вчера на кладбище тоже были тюльпаны. Тётя велела купить белые, а Нина купила жёлтые, потому что белые показались ей замёрзшими. Уже у могилы подумала: отец, наверное, предпочёл бы вообще без цветов. Но спросить его раньше не догадалась.

Она почти ничего не знала о том, что он предпочитал.

У перекрёстка сохранился дом с башенкой. Прежде в нём располагалась сберкасса; мать получала там деньги и иногда брала Нину с собой. Внутри пахло мокрой шерстью и нагретыми счётными машинками. Теперь на окнах висели фотографии чужих улыбок, ровных, слишком крупных для человеческого лица.

Нина остановилась перед светофором. На противоположной стороне, под красным козырьком, была булочная.

Козырёк заменили, стеклянную дверь тоже. Но узкие окна по обе стороны от входа остались, и в левом всё так же отражался наклонённый фонарный столб. Отец покупал здесь хлеб после работы. Иногда приносил ещё маленькую плетёнку с маком и, разрезая, собирал с доски выпавшие зёрнышки влажным пальцем.

Нина с утра выпила только чай.

Она перешла улицу.

В булочной было жарко. Очки у мужчины возле двери запотели, и он стоял, держа за дужку одну линзу у рта, словно собирался проверить её на вкус. Чемодан пришлось оставить рядом с пустой корзиной для покупок.

За прилавком женщина в светлом фартуке раскладывала пирожки. Короткие крашенные волосы над ушами были прижаты тонкой сеткой. Она подняла глаза и улыбнулась — не широко, а привычно, одним движением щёк.

— Проходите, сейчас закончу. Только вынули, горячие.

Нина посмотрела на ценники.

Ей вдруг стало трудно выбрать. Вчера люди приносили еду, ставили перед ней тарелки, наливали чай, и можно было ничего не решать. Теперь требовалось понять, хочет она капусту или картошку.

— Один с капустой. И половину ржаного.

— Нарезать?

— Не надо.

Продавщица взяла щипцы.

На стене за её спиной висели часы в форме подсолнуха. Такие же были здесь, когда Нина училась в школе. Наверное, всё-таки другие: пластмасса не могла столько лет оставаться такой яркой. Она помнила только жёлтые лепестки и медленную секундную стрелку. Пока стоишь за хлебом, стрелка проходит полкруга; если очередь большая — целый.

— Вы, случайно, не в седьмой школе учились?

Нина отвела взгляд от часов.

— В седьмой.

— А я смотрю, лицо знакомое. У меня сестра там работала, в библиотеке. Часто к ней заходила. Вы у Веры Павловны были?

— Да.

— Ну вот. Помню, значит. А фамилия как?

— Заречная.

Щипцы остались над пакетом.

Это длилось совсем недолго. Продавщица опустила пирожок, подвернула бумажный край, положила рядом хлеб. Но улыбки уже не было. Женщина посмотрела на Нину внимательнее, словно прежнее лицо оказалось ненастоящим и под ним проступило другое.

— Заречная, — повторила она.

— Да.

У двери мужчина наконец надел очки. Спросил, привезли ли батоны. Продавщица не ответила сразу.

— На верхней полке, — сказала она, не оборачиваясь.

Нина достала деньги. Купюра была влажной от ладони.

— С вас...

Женщина назвала сумму, пересчитала сдачу и положила её на блюдце. До этого она протягивала деньги мужчине прямо в руку; Нина заметила такую ненужную мелочь и рассердилась на себя за то, что заметила.

— Вы надолго к нам?

— Не знаю пока.

— Понятно.

Ничего ей не было понятно. Нина взяла пакет, но не отошла.

Продавщица поправила щипцы на подносе. Затем вытерла сухой прилавок.

— А папа ваш как?

Можно было сказать: умер. Одно слово, и женщина вынуждена была бы изменить лицо ещё раз. Нина даже ощутила короткое, неприятное удовольствие от предстоящего.

— Вчера похоронили.

— Ой.

Продавщица прижала пальцы к фартуку.

Мужчина у двери перестал шуршать пакетом.

— Простите, я не знала. Болел?

— Болел.

— Царствие небесное.

Нина кивнула. Теперь следовало уйти, и обе это понимали. Однако женщина заговорила снова, торопливо, будто могла исправить что-то ещё несколькими словами:

— Он ведь такой был... Всегда аккуратный. Поздоровается. Спасибо скажет. Я ещё тогда всем говорила: ну никак не подумаешь.

В булочной гудел холодильник с молоком.

— Чего не подумаешь? — спросила Нина.

Продавщица опустила глаза.

— Да что уж теперь.

На бумажном пакете проступило тёмное пятно от пирожка. Нина держала его за верхний край и чувствовала, как жар проходит сквозь бумагу.

— Что он картины украл?

Мужчина взял с полки батон. Очень осторожно, двумя руками.

— Я же не в том смысле, — сказала женщина. — Мы все тогда переживали. Город маленький.

— Да, маленький.

Нина забрала чемодан. У порога одно колесо застряло в резиновом коврик; пришлось вернуться на полшага и дёрнуть сильнее. Именно это движение — неловкое, сердитое — показалось ей самым унижительным. Хотела выйти спокойно и даже этого не сумела.

Снаружи она отошла к глухой стене, где не капало с козырька, и остановилась.

Двадцать лет.

За это время женщина за прилавком сменила причёску, школьную библиотеку, вероятно, закрыли или перенесли, сберкасса стала зубной лечебницей. А пауза после её фамилии сохранилась в точности.

В школе тоже сначала была пауза.

Учительница читала список тех, кто не сдал деньги на поездку, дошла до Заречной и пропустила имя. Сделала это из жалости, Нина понимала даже тогда. Но весь класс обернулся.

Потом появилась записка.

Она не знала, на какой перемене её прикололи. Утром писала контрольную, после обеда отвечала у доски; ходила по коридору, стояла в столовой, наклонялась над раковиной. Никто не сказал. Только в раздевалке девочка из параллельного класса позвала:

— У тебя на спине.

Нина не смогла дотянуться. Девочка отстегнула английскую булавку и отдала ей листок в клетку.

«Верни картины».

Буквы были обведены несколько раз, чтобы получились толще.

Почему-то сильнее самой записки запомнилась булавка. Маленькая, хорошая, с тугой головкой. Кто-то принёс её из дома. Не просто написал со скуки на уроке, а заранее взял булавку, положил в карман и ждал.

Листок она выбросила, булавку оставила. Несколько месяцев та лежала в отделении школьного пенала рядом с обломком ластика. Нина всякий раз собиралась выкинуть её, но не выкидывала.

Мать ничего не узнала.

Дома в те дни говорили вполголоса. Телефон переносили из комнаты в коридор, хотя шнур и раньше позволял выйти за дверь.

Когда звонили, мать прежде снимала трубку, а потом садилась. После ареста отца всё стало наоборот: сначала она искала стул.

В газетном киоске возле школы лежал номер с его фотографией. Нина купила газету, спрятала между учебниками и прочла в туалете, стоя у закрытой двери.

«Вор с безупречным вкусом».

Она не поняла тогда, зачем написали про вкус. Если человек украл, при чём здесь это? Позже стало ясно: так было красивее. Автору понравилось.

Нина откусила пирожок. Капуста оказалась горячей и сладковатой, обожгла нёбо. Она проглотила, почти не жуя.

Мимо прошла женщина с мальчиком. Он тянул её к булочной, упираясь каблуками; женщина говорила, что дома есть суп. Самая обычная жизнь, в которой можно спорить о пирожках и не помнить потом ни одного сказанного слова.

Телефон завибрировал в кармане.

Тётя.

— Доехала?

— Да.

— В квартире уже?

— Ещё нет. Хлеб купила.

— Там соли может не быть. Я всё собиралась привезти.

— Куплю.

На другом конце что-то стукнуло. Наверное, тётя поставила чашку.

— Ключи не потеряла?

Нина прижала ладонь к боковому карману сумки.

— На месте.

— Верхний замок сначала. Нижний заедает, если наоборот.

— Помню.

Помолчали.

Нина хотела рассказать о продавщице, но тогда пришлось бы выслушать: «Не обращай внимания». Или: «А что ты хотела?» Тётя могла сказать и то и другое. Сегодня сил не было ни на утешение, ни на правоту.

— Поешь там, — сказала та.

— Уже ем.

Нина убрала телефон и доела пирожок. Крошки остались на пальцах; стряхнуть их не получилось, пришлось вытереть руку бумажной салфеткой из пакета.

За углом начиналась улица, ведущая к дому. На ней подрезали тополя. От прежних деревьев остались высокие стволы с короткими обрубками ветвей, и между домами стало непривычно пусто.

Она взялась за ручку чемодана.

До этой минуты ей казалось, что самое тяжёлое уже случилось вчера: нужно было подойти к гробу, прикоснуться к отцовскому лбу, отступить, когда попросят. Всё остальное представлялось делами — ключи, пыльная квартира, счета, разговор с теми, кто будет её продавать.

Но здесь отец не умер.

Здесь он по-прежнему выходил из галереи с украденными картинами, признавался, попал в газету. Жил в чужой уверенности, не старея и не получая возможности сказать что-нибудь ещё.

Нина оглянулась на булочную. Сквозь стекло было видно, как продавщица подаёт кому-то хлеб. Лица покупателя она не различила, зато ясно увидела вернувшуюся улыбку.

Чемодан снова застучал по плитке.

Свою фамилию Нина не меняла ни после суда, ни позже, когда вышла замуж. Прежде ей казалось, что в этом нет никакого решения: просто не хотелось возиться с документами.

Теперь она впервые подумала, что, может быть, дело было не только в них.

Глава 2. Комната у тётки

Ключ заедал на последнем обороте. Нина потянула дверь на себя, как учила тётка, и в замке что-то негромко щёлкнуло. Тётка успела вернуться раньше: Валерка из соседней квартиры подвёз её машиной, пока Нина шла от автовокзала через город.

В прихожей пахло жареным луком и влажной одеждой. Под батареей стояли отцовские ботинки: один прямо, другой носком к стене. На правом шнурок был завязан крепким маленьким узлом — кончик, наверное, оборвался, и отец нарастил его другим. Нина задержалась, не снимая пальто.

— Ногой прижми коврик, — крикнула из кухни тётка. — Он вместе с дверью едет.

Нина переступила через загнутый угол. На кладбище земля липла к подошвам, теперь подсохла и сыпалась на линолеум. Она попыталась собрать крошки краем ботинка, только размазала.

Тётка вышла с полотенцем в руках. Домашняя кофта была застёгнута через одну пуговицу, и оттого левый край висел ниже правого. Утром Нина поправила ей воротник, но про пуговицы не сказала.

— Поешь сначала.

— Я в булочной была.

— Была или ела?

— Тётъ, потом.

Та посмотрела на бумажный пакет, который племянница держала двумя пальцами.

— Положи на стол. Там крошки не страшно.

Отцовская комната находилась в конце коридора. Раньше здесь стояла швейная машина и сохло бельё; когда он вернулся, тётка вынесла сушилку на кухню, а машину накрыла фанерой, превратив в стол. На этой фанере и теперь лежали очки, раскрытый календарь и шариковая ручка с обмотанным ниткой корпусом. Под прозрачной крышкой банки из-под леденцов виднелись винты.

Нина толкнула дверь и не сразу вошла.

Отец никогда не запирался, но она всякий раз стучала. Даже когда приезжала на час. Особенно тогда.

Кровать была застелена серым покрывалом. У изголовья обои потемнели, и на этом пятне ясно проступал светлый прямоугольник: тётка уже убрала отрывной календарь за прошлый год. На подоконнике стояла чашка, пустая, с коричневой полоской внутри. Нина взяла её и провела большим пальцем по сколу.

— Не успела помыть, — сказала тётка из коридора.

— Пусть стоит.

— Чего ей стоять?

Нина поставила чашку обратно.

Она приехала разобрать вещи. Это было понятное дело: отделить документы от ненужной бумаги, сложить одежду, решить, куда девать инструменты. Пока существовало дело, можно было не думать о том, что в больнице отец лежал один и что на последний его звонок она ответила сообщением: «На лесах. Позже наберу».

Потом забыла.

Тётка принесла два больших мешка и поставила у шкафа.

— Только всё сразу не тащи на помойку. Рубашки хорошие, почти не ношены. Может, кому отдам.

— Я не собираюсь всё выбрасывать.

— Я так, на всякий случай.

В шкафу висели четыре рубашки и пиджак, в котором отца не похоронили: плечи оказались слишком широки. Для гроба выбрали тёмный свитер. Нина сама его привезла несколько лет назад, купила на вокзале перед электричкой, потому что ехать с пустыми руками было неловко. Тогда отец приложил свитер к груди и сказал, что угадала. Ни разу потом она не видела его в этой вещи.

На нижней полке лежали брюки. Между ними — кусок туалетного мыла в бумажной обёртке.

— От моли, — пояснила тётка.

Нина кивнула, хотя знала.

Первую рубашку она сняла вместе с плечиками. Ткань у ворота была мягкой, почти прозрачной. На груди темнела крошечная прожжённая точка.

— Он курил?

— Нет. Паял. Искра попала.

Тётка забрала мешки и села на край кровати, будто передумала уходить.

Когда отец вернулся, на нём тоже была рубашка. Чужая, с короткими рукавами, хотя стоял ноябрь. Из-под неё торчали запястья — тонкие, красные над косточками. Нина помнила их лучше, чем лицо.

Она приехала тогда уже после него. Не захотела встречать у ворот, сослалась на занятия. В тёткиной прихожей увидела незнакомую сумку из клетчатой ткани, перетянутую верёвкой. Отец вышел из кухни и остановился возле вешалки.

Он улыбался с таким старанием, что ей стало стыдно смотреть.

— Здравствуй, Нинок.

В детстве она любила это имя. Ей слышалось в нём что-то круглое, домашнее, вроде яблока, которое можно катать между ладонями. У вешалки оно показалось жалким.

Она позволила себя обнять. Щека коснулась жёсткого воротника; от него пахло хозяйственным мылом и чужим помещением. Прижавшая её к спине рука мелко дрожала.

За столом он не смог сразу поднести ложку ко рту. Суп расплескался на клеёнку. Тётка громко заговорила о том, что картошка в этом году водянистая, варишь её, варишь — всё равно как стекло, а Нина смотрела в свою тарелку и злилась на него за эту ложку, за улыбку, за то, что теперь приходилось жалеть его прежде, чем можно было спросить.

В конце концов она спросила.

— Зачем ты это сделал?

Тётка перестала говорить. На кухне щёлкнул холодильник.

Отец положил ложку на край тарелки, потом поправил: она съезжала.

— Я уже всё сказал, Нина.

— Не мне.

Он посмотрел на неё. Не отвёл глаз, не нахмурился — просто смотрел, и от этой неподвижности ей захотелось ударить ладонью по столу.

— Не надо сейчас, — произнесла тётка.

— А когда надо?

Ответа не было. За окном мокрый снег облеплял прутья балконной решётки. Отец поднялся и взял тряпку у раковины, чтобы вытереть разлитое.

Больше в тот день Нина ни о чём его не спросила.

Теперь она сложила рубашку, подворачивая рукава, и положила на кровать.

— Эту можно отдать.

Тётка провела ногтем по прожжённой точке.

— Кому такую. На тряпки пойдёт.

В верхнем ящике стола нашлись носовые платки, удостоверение с потёртой фотографией, две батарейки и бумажка с телефонами. Нинин номер был записан первым. Возле него карандашом: «После семи».

Она не помнила, когда просила звонить после семи. Наверное, однажды сказала между делом, когда он застал её за работой. Он превратил это в правило.

Звонил отец редко. Сначала интересовался, не занят ли у неё телефон, словно само соединение могло нарушить какую-то важную работу. Затем спрашивал про погоду.

У него дождь шёл с утра. У неё было сухо.

У него обещали заморозки. У неё ещё держалось тепло.

Иногда он сообщал, что купил зимние ботинки или починил тётке утюг. Она отвечала: «Хорошо». После этого оба молчали, прислушиваясь к посторонним звукам: воде в трубах, сигналу машины, чужим шагам. Разговор заканчивала обычно Нина.

Только однажды он спросил о работе подробно. Она тогда расчищала роспись в старом особняке и, устав за день, неожиданно разговорилась: позднюю краску положили прямо на повреждённый красочный слой, приходилось идти почти по крупинке.

— А снизу что? — спросил он.

— Пока неясно. Кажется, листья.

— Ты не спеши.

Её словно толкнули.

— Я знаю, как работать.

— Конечно. Я не к тому.

После он снова говорил о погоде.

Нина достала нижний ящик. Тот шёл туго, задевая перекошенное дно. Внутри лежали отвёртки, обмотанные изоляционной лентой пассатижи, катушка припоя. Каждую мелочь отец раскладывал отдельно: шайбы в спичечном коробке, короткие шурупы в баночке из-под мази, предохранители в бумажном конверте.

— Не трогай пока, — попросила тётка. — Я Валерке из соседней квартиры обещала показать. У него мальчишка всё мастерит.

Нина отдёрнула руку.

— Он людям чинил?

— А кому же. Мне столько розеток не надо.

— За деньги?

— По-разному.

Тётка поднялась, достала из шкафа стопку маек и прижала к животу.

— Одни платили. Другие банку огурцов приносили. Бывало, придёт, говорит: у старухи пенсия маленькая, неудобно брать. Я ему: у тебя-то большая? Он только рукой махнёт.

Нина повернула отвёртку. На рукоятке, там, где лежал большой палец, пластмасса была вытерта до матовой белизны.

— У него же руки...

— Дрожали. Он приспособливался.

— Как?

— Сядет, локти упрёт. Лампу поближе поставит. Если мелкое что-нибудь, долго возился.

Нина положила инструмент на прежнее место.

Ей представлялось, что после возвращения у отца ничего не было. Кровать, телевизор, прогулка до магазина, звонки, на которые она отвечала без охоты. Оказалось, кто-то стучал в эту дверь, приносил сломанный чайник, садился на табурет. С ним обсуждали цену новой проводки, просили подержать винтик, спорили, стоит ли чинить старое. Эта жизнь шла совсем рядом с её жизнью и почти нигде с ней не соприкасалась.

— Он жаловался на меня?

Тётка расправила майки.

— Мне — нет.

— А кому?

— Откуда я знаю, Нин.

В её голосе не было упрёка. Нина предпочла бы, чтобы был.

Она присела к кровати и вытянула стоявшую под ней плоскую коробку. Внутри оказались тапочки, новые стельки и свёрнутый ремень. На пряжке сохранился засохший след полировочной пасты. Отец чистил металл старой зубной щёткой; она вспомнила это движение — короткое, усердное — и вдруг почувствовала голод, такой резкий, что заболело под рёбрами.

— У тебя что на плите?

— Картошка с мясом.

— Я поем.

Они сидели на кухне друг против друга. Тётка ела мало, выбирала лук и отодвигала на край тарелки, хотя сама же его жарила. За окном дворник скрёб лопатой обледенелый асфальт. Между ударами слышалось, как сосед наверху двигает стул.

— Я думала, он хоть потом объяснит, — сказала Нина.

Тётка положила вилку.

— Вы ведь виделись.

— Виделись.

— Ты могла спросить.

— Я спрашивала.

Тётка потянулась за хлебом, но передумала.

Нина смотрела на её руки: припухшие пальцы, коротко обрезанные ногти, красный след от горячей ручки сковороды. Эти руки стирали отцовское бельё, подавали ему еду, собирали сумку в больницу. Ей захотелось сказать что-нибудь злое, чтобы не чувствовать себя обязанной.

— Ты всё время его защищала.

— А мне куда было его деть?

— Я не про это.

— А я про это.

Тётка пододвинула племяннице солонку, хотя та не просила.

— Пришёл человек. Брат мой. Где ему спать?

Нина взяла кусок хлеба и разломала, оставив обе половины возле тарелки.

Она столько лет ждала от отца объяснения, что уже не могла представить, какими словами оно должно было начаться. «Прости» не годилось: прощения он просил, тихо, дважды, и оба раза она отвечала, что речь не об этом. «Я виноват» тоже ничего не меняло. Нужно было что-то ещё, способное вернуть ей школьный коридор, по которому она шла с чужой запиской на спине, и мать, не поднимающую глаз от раковины.

Теперь любые слова пришлось бы придумывать за него.

После еды тётка ушла в комнату, а Нина мыла посуду. Горячая вода долго не шла; она держала пальцы под холодной струёй, оттирала жир и думала, что надо купить губку. Эта истёрлась до тонкой зелёной тряпочки.

За спиной зашуршало.

— Вот ещё.

Тётка поставила на кухонный стол коробку от электрического чайника. Крышки были заправлены одна под другую; на боку выцвело изображение белого носика.

— Его бумаги. Ты посмотри, что нужно.

— Документы там, в столе.

— Документы отдельно. Это квитанции.

Нина вытерла руки.

— За квартиру?

— И за квартиру. Чеки какие-то, почта. Всё сюда складывал.

Коробка была тяжёлая. На одном углу картон разошёлся, и отец стянул его полосками ткани, посадив на клей. Сделал аккуратно, без складок.

— Ты не перебирала?

— Раньше перебирала. Хотела старые выбросить, а он не дал.

— Зачем ему столько?

— Говорил, пусть лежат.

Тётка поправила верхнюю крышку, прижала ладонью.

— Один раз я уже в пакет собрала. Думала, пустое место освободим. Так он рассердился. Не кричал, нет. Только пакет забрал и потом долго всё назад укладывал. С тех пор я не лезла.

Нина подхватила коробку снизу. Внутри что-то сдвинулось с сухим бумажным шелестом.

— Я завтра разберу.

— Как хочешь. Только сразу не выбрасывай.

Она отнесла бумаги в отцовскую комнату и поставила на стол, рядом с очками. Ручку пришлось подвинуть. Под ней обнаружилась неглубокая бороздка в фанере — отец, видно, часто писал на одном и том же месте.

В коридоре тётка спросила, постелить ли на диване.

Нина посмотрела на узкую кровать, на рубашку, сложенную у изножья, на чашку со сколотым краем. Здесь всё ещё было слишком тесно от вещей, для которых больше не существовало хозяина.

— Я здесь лягу.

За стеной зашумела вода. Потом тётка выключила свет в кухне, и квартира стала слышна иначе: потекло по батарее, треснуло в оконной раме, негромко загудел холодильник.

Нина села на кровать, не раздеваясь. Крышка коробки приподнялась: плохо держался картонный замок. Она протянула руку, хотела прижать его и оставила как есть.

Глава 3. Когда сможешь

Квитанции отец хранил в коробке из-под электрического чайника. Сам чайник давно выбросили, а коробка уцелела: углы были подклеены матерчатой изолентой, на крышке карандашом написано «Оплачено». Нина провела пальцем по последней букве. Грифель оставил в картоне бороздку; видно, карандаш всё время ломался или плохо писал.

— Там ничего нужного, — сказала тётка от двери. — Я уже смотрела. За квартиру, за свет. Он боялся, что насчитают лишнее.

— Я разберу.

— Только не сиди на полу. От окна тянет.

Нина подложила под себя старое покрывало. Над подоконником сохла отцовская рубашка, которую тётка постирала ещё перед похоронами и всё не убирала. Манжеты застыли двумя плоскими раструбами. На левом белела чужая, слишком крупная пуговица.

Комната не успела стать пустой. У кровати стояли тапки, один немного впереди другого; на тумбочке лежала открытая пачка таблеток. Всё это мешало поверить в окончательность случившегося, но не так, как Нина ожидала. Ей не мерещились шаги в коридоре. Напротив, она с неприятной ясностью понимала, что можно выбросить тапки, переставить кровать, отдать одежду — и ничего не произойдёт.

Из кухни донёсся стук ножа о доску.

— Капусты потушу, — сказала тётка. — Будешь?

— Потом.

— Потом горчить начнёт.

Бумаги были сложены по годам и перехвачены резинками. Самая старая рассыпалась у Нины в руках, оставив на пальцах жёлтые крошки. Между счетами лежали гарантийный талон на дрель, инструкция к тонометру, вырезка о перерасчёте пенсий. Отец подчеркнул в ней две строчки, на полях вывел столбик цифр. Внизу несколько раз обвёл получившуюся сумму — небольшую, даже тогда, когда её ещё можно было на что-то потратить.

Она отделяла документы от того, что можно выбросить, и сердилась на себя за старательность. Зачем хранить справку о проверке счётчика в квартире, где он уже не жил? Но рука не поворачивалась отправить её в мусорный пакет. Ему ведь зачем-то понадобилось принести сюда этот лист, найти ему место, не потерять при переезде.

Под пачкой старых квитанций оказался конверт без марки. Клапан был заправлен внутрь. Нина вытряхнула на ладонь фотографию.

Сначала она решила, что это снимок из объявления о продаже помещения. Лестница, низкий потолок, стена, покрашенная в два цвета: сверху мутно-белая, снизу серая. У батареи стояло жестяное ведро. Дневной свет падал откуда-то сбоку и обрывался на ступенях, оставляя нижнюю площадку почти чёрной.

Потом она узнала перила.

В детстве Нина просовывала между их прутьями руку, пока отец возился с ключами от служебной двери. На одном пруте был грубый наплыв сварки, похожий на костяшку пальца. Ей нравилось касаться его ладонью: металл в этом месте казался теплее. Отец велел не пачкаться. Дальше шли узкий коридор, запах полотёрной мастики и большое окно, перед которым нельзя было бегать.

Она перевернула карточку.

«Нижний пролёт. Когда сможешь».

Почерк был отцовский, уже поздний: буквы теснились, короткие штрихи раздваивались. В слове «сможешь» он, должно быть, остановился, а потом продолжил, сильнее нажимая на ручку.

Нина прочла ещё раз.

Не было ни даты, ни обращения. Даже её имени он не написал.

Только это «когда» — будто они условились о какой-то работе, а она всё откладывала, занятая более важными делами.

Она положила снимок на покрывало и поднесла пальцы к губам. От старой резинки остался сухой горьковатый запах.

В последние годы отец звонил по воскресеньям. Спрашивал, холодно ли у неё, не протекают ли сапоги, много ли работы. Однажды она сказала, что расчищает роспись на своде бывшей усадебной церкви. Он долго уточнял, не слишком ли высоко стоят леса, а потом поинтересовался, чем снимают позднюю краску.

Нина ответила коротко. Ей не хотелось обсуждать с ним свою профессию. Всё связанное с картинами, музеями и сохранностью чужих вещей становилось между ними опасным: стоило сказать лишнее, и пришлось бы либо спрашивать, либо делать вид, что спрашивать не о чем.

Теперь она пыталась вспомнить, не упоминал ли он тогда лестницу.

Не упоминал. Кажется.

— Тётъ.

Нож перестал стучать.

— Что?

— Подойди, пожалуйста.

Тётка вошла, вытирая руки о передник. В последние дни она не садилась без дела: то поливала цветы, то меняла полотенца, то выносила к мусорным бакам почти пустой пакет.

— Это откуда у него?

Та взяла фотографию за угол, поднесла к окну.

— Галерея.

— Я вижу. Когда снято?

— Не знаю.

— Ты раньше находила?

— Конверт видела. Внутрь не заглядывала.

Нина показала надпись.

Тётка долго смотрела на оборот, хотя прочесть там можно было за секунду.

— Тебе, значит.

— Почему мне?

— А кому ещё? Ты же этим занимаешься. Стенами.

— Какими — этим?

— Ну, я не знаю, Нин. Может, посмотреть хотел, что там под краской. Он ведь всё про неё знал, про галерею. Где труба течёт, где дверь разбухает.

С кухни потянуло подгорающим луком. Тётка оглянулась, но не ушла.

— Он говорил тебе что-нибудь?

— Про эту лестницу — нет.

— Вообще про галерею.

— Мало.

Это слово Нина знала слишком хорошо. Мало говорил, мало просил, мало ел. Удобная мера, в которую умещалась вся его жизнь после возвращения.

Она забрала снимок.

— Можно было написать нормально. Если ему что-то нужно было.

— Может, собирался.

— Двадцать лет?

Тётка сжала передник обеими руками.

— Я пойду. У меня там пригорит.

Нина хотела сказать, что не на неё сердится, но дверь уже закрылась. Произнести это вслед было бы легко и бесполезно.

Она снова взялась за бумаги. Теперь искала иначе: вытряхивала конверты, разворачивала сложенные вчетверо листы, проверяла, нет ли чего между страницами инструкции. Попалась записка с её прежним адресом. Отец аккуратно указал номер квартиры и этаж, хотя ни разу там не был.

Никакого пояснения к фотографии не нашлось.

На обороте квитанций были только подсчёты, в блокноте — телефоны врачей, размер оконного стекла, перечень покупок. На последней исписанной странице: «Хлеб, батарейка, нитки чёрные». Следующая осталась чистой, но на ней отпечаталось слово «хлеб».

Нина закрыла блокнот.

Ей досталась не просьба, а обязанность угадывать. Он опять оставил главное при себе, а ей предлагалось самой выбрать, сколько боли можно причинить себе поисками.

За окном прошла женщина с ребёнком. Мальчик волочил по замёрзшему снегу пустые санки; на голом участке тротуара полозья заскрежетали так, что Нина свела зубы.

Она подвинулась к свету и стала рассматривать лестницу.

Снимок был любительский, чуть заваленный вправо. Нижние ступени заслоняли часть стены. Под косым перекрытием различалась неровная полоса — трещина или след прежнего ремонта; по бумажной карточке этого было не понять. Возле плинтуса темнело вытянутое пятно. Ни масштаба, ни даты, ни общего вида с другой точки.

Как рабочий материал фотография почти ничего не давала.

Но отец хорошо знал, чем она занимается. Про трещины он мог сказать словами. Плесень попросил бы показать кому-нибудь из хозяйственной части. Здесь было другое: он выбрал именно этот угол, сохранил карточку, написал на обороте.

Нина поймала себя на том, что уже думает о боковом свете, о границах поздних штукатурных вставок, о небольшом пробном раскрытии. Такое случалось и на работе: пока заказчик рассказывал, каким прекрасным хочет видеть помещение, она смотрела на вздутие над дверью и прикидывала, откуда идёт вода.

Она сфотографировала обе стороны карточки на телефон.

Потом набрала название галереи.

Первой открылась новость о предстоящем закрытии. Нина увеличила буквы. В залах готовились заменить инженерные сети, укрепить перекрытия, привести в порядок фасады. Посетителей просили заранее уточнять часы работы: часть помещений уже передавали подрядчикам.

На снимке под новостью стояли люди в тёмных пальто. За их спинами виднелся знакомый вестибюль, но Нина не стала разглядывать лица. Перешла к сведениям о работах, нашла название мастерской и телефон.

Из кухни позвали есть.

За столом тётка подвинула к ней тарелку и хлеб. Капуста всё-таки немного подгорела, но об этом обе промолчали.

— Галерею закрывают, — сказала Нина.

— Объявление висит. Кажется, надолго.

— Там реставрация.

— Разве у нас что-нибудь быстро делают?

Нина разломила хлеб. Корка рассыпалась на клёнку.

— Мне нужно будет туда попасть.

Тётка подняла глаза.

— Из-за карточки?

— Посмотреть.

— Просто так пустят?

— Узнаю.

Она уже знала, что просто так не пойдёт. Не хотелось стоять у служебного входа и объяснять, чья она дочь, зачем приехала, почему фотография старой лестницы даёт ей право требовать внимания. Особенно после того, как в булочной женщина перестала улыбаться, услышав её фамилию.

Работа могла дать другую причину прийти. Достаточную саму по себе.

После обеда Нина открыла дорожную сумку и достала компьютер. На крышке осталась белёсая полоса от известковой пыли, забившейся в царапину ещё на прошлом объекте. Она потёрла её рукавом и набрала номер мастерской.

Ответили не сразу.

— По поводу работ в галерее, — сказала она. — Вам нужны реставраторы настенной живописи?

Женский голос попросил подождать. В трубке зашуршала бумага; где-то рядом мужчина спорил о доставке досок.

— В бригаде есть свободное место, — наконец сказала женщина. — Но у нас пока обследование и подготовительные работы. Вы раньше на памятниках работали?

Нина назвала два последних объекта, свою специальность и стаж.

— Документы пришлёте?

— Да. Сегодня.

— И примеры работ. Лучше с пояснениями, что именно делали вы. Руководителю передам, он посмотрит.

— На какой срок вам нужен человек?

— Пока на первый этап. Дальше будет ясно по состоянию стен и объёму. Вы местная?

Нина посмотрела на отцовские тапки у кровати.

— Сейчас в городе.

— Тогда укажите, когда можете выйти.

Адрес она записала на обороте конверта. Только положив телефон, заметила, что так и не спросила об оплате.

Пришлось перезвонить.

Во второй раз женщина ответила быстрее, назвала дневную ставку и объяснила, как ведут учёт рабочего времени. Сумма была меньше, чем Нина получала на последнем заказе. Но последний заказ закончился, а о следующем ей пока говорили: «С вами свяжутся».

Она открыла банковское приложение. После дороги, похоронных расходов и очередной платы за съёмную квартиру оставалось меньше, чем хотелось видеть. Если вернуться и сидеть без работы, денег хватит примерно на месяц. Здесь хотя бы не нужно было платить за комнату.

Нина стала собирать письму приложения.

В рабочей папке лежали десятки снимков: раскрытые фрагменты орнамента, укреплённая штукатурка, лицо святого, освобождённое от грубой записи. Она выбирала не самые красивые, а те, по которым можно было судить о ходе работы. К каждому добавляла короткое пояснение. Проверила, чтобы нигде не приписать себе сделанное другими.

Это занятие немного её успокоило. Здесь она знала, что надо указывать точно, где лучше промолчать, чем украсить. Не приходилось угадывать по нажиму ручки.

Когда тётка заглянула с вопросом, будет ли она ужинать, за окном уже стемнело.

— Я на работу подаюсь.

— Здесь?

— В галерею. У них место есть.

Та перевела взгляд на раскрытую сумку.

— Значит, пока не уедешь?

- Если возьмут.
- Полку тебе освобожу.
- Не надо пока.
- Что ж тебе, из сумки одеваться?

Тётка подошла к шкафу и вынула стопку наволочек. Нина не стала останавливать её второй раз.

Оставалось написать несколько строк о себе. Имя и фамилию она набрала сразу, потом долго смотрела на них. Можно было начать с профессии, спрятать подпись внизу, отодвинуть ту секунду, когда незнакомый человек вспомнит старые газеты. Она даже переставила первую строку, но тут же вернула обратно.

«Нина Заречная, художник-реставратор».

Дальше пошло легче. Образование, опыт, готовность работать на обследовании. О возможности приступить написала: «В ближайшие дни».

Фотографию лестницы она к письму не прикрепила.

Перед отправкой проверила документы, названия файлов и адрес. Нажала кнопку и несколько секунд ждала, не появится ли сообщение об ошибке.

Письмо ушло.

На столе среди справок осталась карточка. В свете лампы серая стена выглядела почти зелёной, а ведро у батареи поблёскивало по краю. Нина перевернула снимок ещё раз.

Ей по-прежнему хотелось предъявить отцу эту короткую надпись, заставить прочесть вслух и спросить, как, по его мнению, она должна была догадаться. Но теперь к обиде прибавилось нетерпение. Пока она разбирала квитанции, там, под лестницей, могли уже ставить леса, снимать плинтус, скалывать старую штукатурку.

Она взяла чистую папку, вложила фотографию между двумя листами бумаги и убрала в сумку рядом с документами.

Коробку с надписью «Оплачено» пока оставила открытой.

Глава 4. Временное место

В объявлении требовался реставратор настенной живописи с опытом работы, а по телефону оказалось, что нужен человек, который сможет выйти завтра.

— Не через неделю, не с понедельника, — сказала женщина. — Завтра к девяти. У нас уже двое отказались.

Нина стояла у тёткиного кухонного окна, прижав к уху телефон. Между рамами лежала полоска пожелтевшего поролонa. На дворе мужчина в вязаной шапке бил лопатой по слежавшемуся снегу; после каждого удара останавливался, словно ждал, что теперь лёд одумается и расколется сам.

— Я сначала должна понять, что за работа.

Женщина помолчала.

— Предварительное обследование интерьеров галереи. Потом — по результатам. Нам дали ваши снимки, но снимков мало. Документы есть?

— Диплом. Выписка об аттестации. Отчёты по двум последним объектам могу привезти.

— Привозите сегодня. До двух успеете?

До галереи было двадцать минут пешком. Нина посмотрела на часы над плитой: стрелка подрагивала, не решаясь перескочить к следующей черте.

— Успею.

— У служебного входа спросите Марину Павловну. Пока на месяц, сразу предупреждаю. Дальше ничего не обещаю.

После разговора она ещё немного держала телефон возле лица.

Потом открыла банковское приложение.

Денег оставалось чуть больше двадцати тысяч.

Обратный билет стоил почти четыре. За комнату, которую Нина снимала в другом городе, нужно было заплатить через девять дней. Хозяйка согласилась подождать, но написала: «Только не подведите». Последнюю часть гонорара за росписи в бывшем купеческом доме задерживали с января. Заказчик отвечал через раз и всякий раз сообщал, что сам ждёт поступления денег. Можно было позвонить ещё. Нина уже знала, с каким выражением лица станет слушать.

Она закрыла приложение и достала из кошелька бумажные деньги. Разгладила купюры на столе, хотя от этого их не прибавилось.

Тётка вошла с бельём, снятым с верёвки в ванной. На верхнем полотенце темнел влажный сгиб.

— Дозвонилась?

— Сегодня пойду.

— Куда именно?

— В галерею. На собеседование.

Тётка опустила бельё на табурет. Нина ждала вопроса об отце, о том, стоит ли опять связываться с этим местом, но та только поправила полотенце.

— У меня живи. Зачем тебе ещё жильё искать.

— Я и так у тебя.

— Так я не про сегодня.

За окном снова ударила лопата.

— Мне работать надо, — сказала Нина.

Тётка кивнула слишком быстро, будто ей объяснили что-то неудобное и теперь можно было поскорее заняться другим.

На подоконнике стояла отцовская кружка с отколотой ручкой. Ею поливали цветы: внутри по стенке тянулась коричневая полоса от отстоявшейся воды. Нина отвернулась к столу и начала собирать документы.

Фотографию лестницы положила в отдельное отделение сумки. Перед этим проверила оборот. Слова никуда не делись.

До галереи она дошла за семнадцать минут.

Перед главным входом стояли металлические ограждения. Между ними нанесли узкую дорожку песка, по которому уже протоптали тёмные следы. На дверях под стеклом висело объявление о предстоящем закрытии. Ниже, на простом листке, сообщалось, что часть залов недоступна по техническим причинам.

Нина помнила эти двери тяжёлыми. Ребёнком она наваливалась на них всем телом, пока отец придерживал створку с другой стороны и притворялся, будто помогает совсем немного. Теперь дверные ручки заменили: прежние, потёртые до светлой латуни, уступили место ровным блестящим скобам.

Она прошла вдоль здания.

У служебного входа курили двое рабочих. Один стряхивал пепел в пустую банку, другой держал сигарету в ладони, прикрывая от ветра. На их куртках засох раствор. Увидев папку под Ниной рукой, старший отступил и потянул дверь.

— Вам к кому?

— К Марине Павловне.

— Прямо и налево. Там, где ругаются.

Внутри пахло мокрой шерстью, пылью и разогретой пищей. На столе у охранника стояла открытая коробка с гречкой. Он подвинул к Нине журнал.

— Фамилия, время. Паспорт покажите.

Она написала: «Заречная Нина Сергеевна».

Охранник посмотрел документ, сравнил фотографию с её лицом и вернул, не изменившись в лице.

Это простое равнодушие принесло такое облегчение, что Нина разозлилась на себя.

Марина Павловна сидела в бывшем кабинете научных сотрудников. О прежнем назначении комнаты напоминала приклеенная к шкафу таблица температурно-влажностного режима. Сам шкаф теперь был набит рулонами бумаги, защитными очками и упаковками перчаток. Вдоль стены поставили чайник, три непохожие чашки и тарелку с разрезанным яблоком.

Хозяйка кабинета разговаривала по телефону.

— Нет. Слово «осторожно» не заменяет согласования... Пусть ждут. Я сказала: пусть ждут.

Она положила трубку и потёрла переносицу костяшкой пальца. Под ногтем сохранилась белая полоска мела или штукатурки.

— Заречная?

Нина кивнула.

— Садитесь. Показывайте, что привезли.

Марина Павловна оказалась невысокой женщиной с коротко остриженными волосами. Она не улыбалась, но и недовольства в её лице не было: словно на разговор полагалось определённое количество сил и тратить их на приветливость она не собиралась.

Диплом просмотрела быстро. На отчётах задержалась.

— В трапезной что вы делали сами?

— Укрепление штукатурного основания на северной стене. Пробные расчистки. Потом раскрытие живописи на двух участках под руководством старшего реставратора.

— Солевые выцветы были?

— Внизу, возле наружного угла.

— Чем убрали?

Нина объяснила, какие исследования провели до начала работ, как ограничили увлажнение и почему на одном участке решили остановиться. Марина Павловна раскрыла отчёт на снимке с косым освещением.

— Здесь отставание красочного слоя?

— Да. На следующем листе схема.

— Почему не пошли дальше?

— Не было безопасного способа снять запись при той прочности авторского слоя. Оставили до дополнительных проб.

Впервые женщина посмотрела на неё не поверх очков, а прямо.

— Хорошо, что оставили.

Она перевернула ещё несколько страниц. За стеной коротко загрохотало, будто уронили связку труб. Марина Павловна прислушалась, но не встала.

— Сразу скажу: работа пока некрасивая. Осмотры, обмеры, картограммы дефектов, снимки. Местами зондажи, где предусмотрено заданием. Никакой самодеятельности. Открывать всё, что покажется интересным, не будем.

— Кто ведёт архитектурную часть?

— Корнеев. Лев Андреевич. Сегодня его здесь нет. С ним познакомитесь.

Нина записала фамилию на обороте распечатки объявления.

— У вас вся бригада набрана?

— Если бы вся, мы бы сейчас не разговаривали.

Марина Павловна назвала сумму.

На эти деньги можно было заплатить за комнату, покупать продукты тётке и не считать, сколько поездок на автобусе осталось до конца недели. Отложить почти ничего не получилось бы. Но другого предложения у Нины не было.

— Это за полный месяц? — спросила она.

— За полный. Договор срочный. Сроки и объём там указаны, прочитайте внимательно. Продолжение зависит от утверждённой программы и финансирования.

— Когда первая выплата?

Женщина назвала дату и, помедлив, добавила:

— На дорогу до неё хватит?

Вопрос прозвучал без жалости, по-деловому. Нина почувствовала, как нагрелись уши.

— Я недалеко живу.

— Тогда завтра в девять. Сегодня оформимся и покажу помещения.

Она придвинула к Нине лист с перечнем документов. Та достала ручку.

— Вы раньше в нашей галерее работали? — спросила Марина Павловна.

Перо остановилось над бумагой.

— Нет.

— Просто фамилия знакомая.

Нина подняла голову.

— Мой отец был здесь хранителем.

Женщина сняла очки. Теперь узнавание было видно: не внезапное, а медленное, с попыткой подобрать к давнему газетному рассказу лицо сидящего напротив человека.

— Сергей Заречный?

— Да.

В коридоре кто-то засмеялся. Звук дошёл сквозь закрытую дверь приглушённым, почти домашним.

— Я тогда ещё здесь не работала, — сказала Марина Павловна.

Нина ничего не ответила.

— Ваши отчёты меня устраивают. Остальное к работе отношения не имеет.

Она снова надела очки и потянулась к телефону.

Оформление заняло больше часа. Бухгалтер попросила копию ещё одной страницы паспорта; принтер зажевал лист; для временного пропуска потребовалась фотография, которую в конце концов сделали у белой стены на телефон. Нина подписала договор, прочитав его дважды. В строке о сроке стояла точная дата окончания — не далёкое будущее, а один-единственный месяц.

Свой экземпляр она убрала рядом с отцовской карточкой.

Потом был инструктаж. Нине объяснили, где отключают электричество, какие помещения закрыты, кому сообщать о повреждённых ограждениях. Выдали каску, на внутреннем ободке которой чужой рукой было написано «не брать». Она показала надпись Марине Павловне.

— Уже можно, — ответила та. — Хозяин уволился.

Они пошли через боковой коридор в вестибюль.

Без посетителей здание казалось не пустым, а застигнутым за переодеванием. У стены лежали снятые дорожки, свёрнутые ворсом внутрь. Мрамор закрыли листами защитного материала, закрепив стыки лентой. Там, где покрытие ещё не успели настелить, осталась дорожка натёртого камня; Нина ступала по ней осторожнее, чем по неровному полу.

Из открытого зала вынесли картины. На стенах сохранились светлые прямоугольники, а возле каждого торчали крепления. Она невольно искала знакомые размеры. Здесь, кажется, висел зимний пейзаж с розоватым снегом. Или в соседнем зале? В детстве Нина путала комнаты, зато точно знала, где стоял стул смотрительницы, дававшей ей кислые леденцы.

— В фонды без сопровождения не ходим, — говорила Марина Павловна. — Даже если дверь открыта. Наши помещения отмечены на схеме. Ключи пока через меня.

У центральной лестницы Нина остановилась.

Между двумя дверными проёмами висел большой фотографический портрет. Мужчина в тёмном костюме сидел вполоборота, положив руку на край стола. Седина у висков была ровной, словно её тоже готовили к съёмке. На заднем плане размывались книжные корешки и золочёный угол рамы.

Под стеклом серебрились буквы:

«Аркадий Семёнович Веденин. Почётный попечитель галереи».

Нина помнила его без седины. У него были мягкие щёки и привычка брать собеседника за пуговицу пиджака — ненадолго, двумя пальцами, будто проверяя, крепко ли пришита. С отцом он так делал. Тот стоял неподвижно, чуть отведя подбородок.

Однажды Веденин дал Нине мандарин из ящика под письменным столом. Кожа была тонкой, плохо снималась, сок щипал заусенец. Она помнила и это, хотя давно забыла лицо женщины, преподававшей ей рисование в первом классе.

— Он ещё работает? — спросила Нина.

Марина Павловна проследила за её взглядом.

— Веденин? Нет, директор давно другой. Он помогает галерее.

— Чем?

Женщина поправила папку под мышкой.

— Деньгами, связями. У музеев с этим, сами понимаете. Пойдёмте, у меня через полчаса совещание.

Нина задержалась ещё на мгновение.

На столе перед Ведениным лежала закрытая книга. Рука касалась её уверенно, без усилия. Фотограф сумел убрать из снимка всё случайное: ни складки на воротнике, ни блика на лбу, ни лишнего предмета. Только человек, которому здесь полагалось находиться.

Отец в последние годы подносил чашку ко рту обеими руками.

— Нина Сергеевна?

Она догнала Марину Павловну.

В маленькой рабочей комнате ей показали свободную половину стола и шкафчик без замка. Напарница, плотная женщина с собранными на затылке волосами, представилась Аллой и сразу предупредила:

— Чайник кипит, даже когда лампочка не горит. Не трогайте бок, обожжётесь.

На столе лежали шкалы для съёмки, карандаши разной мягкости и кусок хлеба на салфетке. У окна сушились вымытые ёмкости. Алла подвинула свои бумаги, освобождая место.

— Вы надолго?

— Пока на месяц.

— Тут все пока.

Она сказала это без усмешки и вернулась к чертежу.

Обратно Нина шла медленнее. В сумке постукивала о футляр очков ручка выданного фонаря. Временный пропуск лежал в кармане пальто, и она дважды проверила, не выпал ли он через прореху в подкладке.

У булочной остановилась, но внутрь не вошла. Купила хлеб в магазине на следующей улице, там же взяла яйца и пачку масла. Перед оплатой посмотрела на сумму, убрала с прилавка яблоки, потом вернула.

Тётка встретила её в прихожей.

— Ну?

— Взяли.

— Поесть будешь?

— Сейчас. Только переоденусь.

В комнате, где раньше спал отец, Нина положила договор на стол и достала фотографию. Провела пальцем по белому краю, не касаясь тёмного изображения.

Она ещё не знала, что искать под той лестницей. Возможно, завтра увидит только старую стену, следы сырости и плинтус, который помнил больше ремонтов, чем людей. Объяснить кому-нибудь, зачем ей понадобился нижний пролёт, Нина пока не могла.

Она перевернула карточку снимком вверх. Рядом положила пропуск.

На нём её фамилию напечатали без ошибки.

Глава 5. За ограждением

Лента прилипла к рукаву. Нина отцепила её, пригнулась и шагнула под лестницу, стараясь не задеть оставленное у стены ведро. На дне темнела вода с белыми островками штукатурки. Рядом лежали шпатель, зубило и одинокая рабочая рукавица, вывернутая наизнанку.

Здесь было теснее, чем на фотографии. Или отец снимал, отойдя к самой двери, которая теперь исчезла за щитом из нестроганных досок. Нижний марш нависал над головой; на его исподе проступали ржавые пятна. От стены пахло мокрым мелом, хотя с виду она оставалась сухой.

Нина достала карточку.

Совпадали поворот перил, широкая трещина у площадки, щербина на второй ступени. Только плинтус на снимке был тёмным, почти чёрным, а теперь его вместе со стеной выкрасили в тот грязноватый цвет, которым почему-то принято изображать чистоту.

«Нижний пролёт. Когда сможешь».

Она убрала фотографию, не переворачивая. Надпись уже стояла перед глазами.

Что он рассчитывал здесь оставить? Что надеялся показать? Двадцать лет она требовала от него одного внятного ответа и в конце концов получила адрес стены.

Сверху донёлся скрежет. По ступеням протащили что-то тяжёлое, потом мужской голос сказал:

— Не ребром, ломаешь.

Посыпалась пыль. Нина отступила к ограждению и подняла голову. Из-под лестничной площадки торчал короткий обрывок провода; лампа над служебной дверью не горела. Свет попадал сюда из высокого окна на противоположной стороне коридора и ложился на стену косой полосой. В этой полосе были видны вздутия краски, мелкие, как зажившие ожоги.

У самого пола штукатурку уже сбили. Неровная полоса обнажённого кирпича шла вдоль плинтуса, обрываясь возле угла. Выше остались следы инструмента — свежие, белые по краям.

— Вы каким образом здесь оказались?

Нина обернулась слишком быстро и ударилась затылком о наклонную плоскость марша. Мужчина за лентой поморщился прежде, чем успела она.

— Вот поэтому и спрашиваю. Выходите.

На нём была тёмная куртка с расстёгнутым воротом, под мышкой — папка с заломленным углом. Пыль лежала на плечах, но ботинки были чистыми: вошёл недавно. Лет сорок с небольшим. Лицо усталое, с красной полоской на переносице от очков, которые он держал за дужку.

— Я из бригады, — сказала Нина, потирая затылок.

— Тогда тем более должны знать, что означает ограждение.

— Заречная. Реставратор настенной живописи.

Он помедлил. Она успела заметить эту паузу и привычно приготовилась.

— Корнеев. Архитектор. Поднимите ленту и выйдите, пожалуйста.

Ни узнавания, ни сочувствия в голосе не было. Обычное раздражение человека, которому с утра мешают работать. От этого стало немного легче, хотя уступать ему не хотелось.

— Кто здесь снимает штукатурку?

— Сейчас никто.

— Я вижу, что сейчас. На каком основании начали?

Корнеев посмотрел на неё поверх очков, потом всё-таки надел их.

— На основании проекта. Обследование показало отслоения.

— Где можно посмотреть результаты?

— У вашего руководителя.

— Мне дали обмеры и ведомость работ. Послойных зондажей там нет.

— Вы изучили весь комплект за утро?

Она почувствовала, как разогрелись уши.

— Достаточно, чтобы заметить слова «удаление штукатурного слоя». Здесь удаляют до кирпича?

— На отдельных участках. В местах, где он не держится.

— А что под ним, выясняли?

С верхней площадки выглянул рабочий в серой шапке.

— Лев Андреевич, щит сюда пока поставить?

— Пока ничего не ставьте. И под марш не спускайтесь.

— Нам снизу закончить велели.

— Кто велел?

Рабочий назвал фамилию, которой Нина ещё не слышала. Корнеев снял очки, провёл большим пальцем по стеклу и тут же посмотрел на оставленный след.

— Подождите меня наверху.

Голова исчезла. Несколько секунд они слушали удаляющиеся шаги.

— Здесь старое здание, — сказала Нина. — Снимать отделку без предварительного раскрытия нельзя.

— Не нужно рассказывать мне, где я работаю.

— Тогда покажите обследование.

Он выдохнул через нос и положил папку на подоконник.

— Я покажу вам документацию. После того как вы выйдете из опасной зоны. В такой последовательности.

В этом не было ничего, с чем стоило спорить. Нина и сама велела бы любому постороннему немедленно вылезти из-под лестницы. Но требовательный голос, перегородившая проход фигура, протянутая к ленте рука — всё вдруг стало похоже на давние разговоры, когда ей объясняли, чего она ещё не понимает и почему лучше уйти.

Она нагнулась и вышла.

Корнеев отошёл, освобождая ей место. Вблизи обнаружилось, что чистым у него был только верх ботинок; на рантах засох раствор.

— Вы одна здесь? — спросил он.

— Пока да.

— Кто вас направил на лестницу?

— У меня в задании служебные помещения первого этажа.

— На сегодня?

— Начать обследование.

Он открыл папку, нашёл сложенный лист. Нина следила за его руками. На среднем пальце правой руки была узкая полоска пластыря, почерневшая по краям.

— Вот граница работ, — сказал он, развернув чертёж на подоконнике. — Лестничный узел и примыкающая стена. Укрепление кладки, замена повреждённых участков отделки. Состояние штукатурки отмечено здесь.

— Это простукивание?

— В том числе.

— Я спрашиваю не о прочности. Живописные слои искали?

Корнеев не ответил сразу. Придвинул лист ближе к свету, хотя надписи и без того читались.

— В заключении сведений о росписи нет.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

Он сказал это коротко, без прежнего нажима. Нина посмотрела на стену. Снизу, там, где работали зубилом, белел широкий скол. Чуть выше краска отогнулась жёстким лепестком, отбрасывая тонкую тень.

— Дайте фонарь.

— Зачем?

— Посмотреть этот участок.

Корнеев проследил за её взглядом.

— Что вы увидели?

— Пока не знаю.

Он вынул телефон, включил свет и протянул ей.

— Отсюда сможете?

— Нет. Вы сами видите.

Несколько мгновений он смотрел под лестницу. Потом поднялся на три ступени, проверил снизу край площадки и позвал рабочего. Тот спустился неохотно, вытирая ладони о штаны.

— Что здесь осталось незакреплённым? — спросил Корнеев.

— Под площадкой всё сняли. Там нечему падать.

— А сверху что таскаете?

— Дверь. Она у стены теперь.

— Пока к лестнице не подходите. И никого не пускайте.

Рабочий перевёл взгляд на Нину.

— Нам потом это закрывать?

— Потом скажу.

Когда они остались вдвоём, Корнеев приподнял ленту.

— Только этот участок. Остальное не трогайте.

Она хотела ответить, что разрешений на прикосновение к стене от него не требуется, но сдержалась. Он уже убрал ведро с прохода и ногой отодвинул зубило.

Нина присела. Направленный почти вдоль поверхности свет вытянул все неровности: гребни от кисти, старые царапины, островок шпаклёвки. Под отставшей скорлупой виднелось что-то желтоватое. Это мог быть нижний покрасочный слой, пятно от протечки, даже пыль.

Она придвинула телефон.

Жёлтая полоска имела тёмный край.

— Подержите, — сказала Нина.

Корнеев опустился рядом на одно колено. Пол скрипнул под песком.

— Так?

— Ниже. Почти вдоль стены.

В сумке лежал пенал с инструментами; утром она переложила его из одного отделения в другое, решив, что в первый день всё равно не понадобится. Теперь застёжка заела на нитке подкладки. Нина дёрнула, чертыхнулась вполголоса и наконец достала пенал.

— Не торопитесь, — сказал он.

— Я не тороплюсь.

Собственный голос прозвучал сердито и неправдоподобно.

Она надела тонкие перчатки и взяла узкий скальпель. К стене сначала не прикоснулась: осмотрела край утраты, меняя угол света движением чужой руки.

Поздняя краска лежала в несколько слоёв. Под верхним, сероватым, шёл более холодный, с зеленцой; ниже виднелась белая прослойка. Всё это отошло вместе, небольшой выгнутой пластинкой. Старое основание под ней казалось плотным.

Нина подхватила только свободный край. Чешуйка отделилась почти без усилия.

Она положила её в сложенный лист бумаги.

На стене остался кусочек охристой линии.

— Роспись? — спросил Корнеев.

— Возможно.

— А точнее?

— Пока нельзя.

Теперь хотелось, чтобы он замолчал. Не потому, что мешал: его вопросы удерживали её возле того, о чём ещё рано было говорить. Надо было видеть поверхность, а не придумывать, что под ней.

Она убрала ещё один крошечный фрагмент, уже не касаясь места, где верхние слои держались крепко. Свет дрогнул.

— Пожалуйста, неподвижно.

— Простите.

Его рука замерла.

Жёлтая линия утолщалась книзу и уходила наискось. От неё отделялся короткий изогнутый мазок, суженный на конце. Рядом под полупрозрачным остатком побелки проступило ещё одно пятно — вытянутое, с острым кончиком.

Лист.

Нина отвела инструмент и села на пятки.

Перед ними, в раскрытии величиной меньше ладони, была ветка. Не трещина, не случайный след старой кисти: стебель, тонкий изгиб черешка и лист, написанный двумя уверенными движениями. Охра на тёплом светлом фоне. По нижнему краю шёл коричневатый мазок, придававший листу объём.

Какой-то человек когда-то стоял здесь с кистью. Набирал краску, отжимал волос о край посуды, отступал, чтобы проверить наклон. Потом его работу закрыли, и по ней пошли другие руки: белили, шпаклевали, красили, а сегодня били зубилом.

Нина посмотрела на свежий скол внизу. Между ним и веткой оставалось меньше десяти сантиметров.

— Чёрт, — тихо сказал Корнеев.

Она впервые услышала в его голосе не обращение к ней.

— Дальше раскрывать сейчас не буду, — сказала Нина. — Нужно понять, как держится красочный слой.

— Хорошо.

Он не двигался, продолжая освещать стену. Колено его стояло прямо на остром обломке штукатурки. Нина заметила это, но говорить не стала.

Отец знал?

Мысль появилась так быстро, словно всё это время только и ждала маленького охристого листа. Он прислал её сюда ради росписи? Не мог сказать по телефону: под лестницей сохранилась живопись, посмотри, это твоя работа? Или пытался, а она не дослушала?

Нина помнила их разговоры отрывками. «У вас уже холодно?»

— «Папа, я на работе». Потом торопливое: «Ну работай, работай». И обязательно что-нибудь про дождь.

Она сжала рукоятку скальпеля и тут же ослабила пальцы.

— Вы знали, что здесь что-то есть? — спросил Корнеев.

Нина повернулась к нему.

— Почему?

— Сразу пришли под марш.

За его плечом светлел коридор. На подоконнике лежал развёрнутый чертёж; угол листа шевелился от сквозняка.

— Хотела осмотреть лестницу.

Он подождал продолжения, но не получил.

— Понятно.

Ничего ему не было понятно. Она видела это по тому, как он чуть поджал губы. Однако расспрашивать Корнеев не стал.

Сверху снова позвали:

— Лев Андреевич, нам долго стоять?

Он поднял голову.

— Спускайтесь. Инструмент заберёте, здесь демонтажа больше нет.

— Совсем?

— До обследования.

— У нас на сегодня...

— Я разберусь с вашим мастером.

Он вернул телефон себе, встал и только тогда поморщился, выпрямляя ногу. Нина достала свой, сделала общий снимок участка, затем ближний — с масштабной линейкой. На изображении ветка выглядела бледнее, чем вживую; белый свет съедал её тёплый цвет.

Рабочий подошёл к ограждению и заглянул под лестницу.

— Это из-за цветочка?

— Из-за росписи, — сказал Корнеев.

— Мы вчера бы всё сняли, если б мешки привезли.

Он произнёс это без сожаления и без вызова — сообщил о досадной задержке. Нина опустила телефон.

Корнеев посмотрел на неё, потом на стену.

— Хорошо, что не привезли. Ведро тоже уберите, пожалуйста.

Когда инструменты унесли, проход сделался непривычно пустым. Архитектор переставил стойку, отнесся ограждение дальше от находки. Теперь под ленту нельзя было случайно шагнуть с нижней ступени.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Документы по прежним ремонтам. Нормальный свет. И чтобы рядом не долбили, пока не проверим штукатурку.

— На этом участке остановлю. По остальному решим после осмотра.

Нина кивнула. Именно так и следовало ответить.

Он достал из папки чистый лист, записал несколько строк, сверился с часами. Она тем временем собрала отделившиеся частицы, подписала бумажный свёрток и убрала скальпель. Работать дальше без описания состояния и согласованной методики было бы тем же, за что она только что спорила.

Уходить всё равно не хотелось.

— Заречная, — сказал Корнеев, проверяя запись. — Нина?

— Да.

Он вписал имя, не подняв головы.

— Сообщите своему руководителю. Я позвоню заказчику и тем, кто делал обследование.

— Вы им скажете, что нашли?

— Скажу, что нашли роспись.

Она почти улыбнулась.

Корнеев заметил это.

— Или пока только ветку?

— Для остановки работ достаточно ветки.

Он закрыл папку.

Нина ещё раз наклонилась к стене, уже снаружи ограждения. Маленький лист смотрел остриём вверх, к самому тесному месту под маршем. Рядом белели следы зубила.

В кармане жёстко упирался в бедро угол отцовской фотографии. Она не достала её. Только поправила сумку на плече и отошла, оставив охристую ветку за натянутой лентой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.